

В.А. ЧЕРВАНЕВА

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА В ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ

В современной науке закрепилось понимание фольклора не столько как эстетического, сколько мировоззренческого и социорегулятивного феномена, как формы традиционной народной культуры, сферы воплощения традиционных культурных ценностей и народных стереотипов сознания [Путилов 1994; Толстой 1995; Чистов 1986]. В русле данного подхода становится актуальным исследование языка фольклорных произведений с культурологических позиций.

Наблюдения за количественной лексикой русской волшебной сказки¹ показали, что, помимо количественной оценки реалий сказочного мира, эти вербальные единицы выражают информацию семиотического характера, причем семиотическая функция количественных показателей является наиболее важной [Черванева, Артеменко 2004]. Попытаемся показать это на примере объективации возраста человека.

В языковом материале сказки возраст человека широко репрезентирован. Это связано с особой актуальностью возрастных характеристик для человеческих персонажей: количественная семантика номинаций возраста человека обладает культурологическим содержанием, что позволяет им наряду с другими языковыми средствами обеспечивать функционирование семиотической системы сказки².

¹ Материалом исследования послужили авторитетные собрания сказочного фольклора: *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки в 3 т. 6-е изд. М., 1957; *Ончуков Н.Е.* Северные сказки. СПб.: Тропа Троянова, 1998; *Худяков И.А.* Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб.: Тропа Троянова, 2001. Номера сказок указываются по данным изданиям. Примеры приводятся с сохранением орфографических особенностей цитируемого текста.

² Актуальность возрастных характеристик человека не является специфическим свой-

В сказке обнаруживаются два способа квантификации возраста человека в зависимости от выбора шкалы измерения:

— абсолютная возрастная характеристика, результаты которой выражаются номинациями с семантикой «ребенок» — «взрослый человек» — «пожилой человек»;

— относительная возрастная характеристика, результаты которой отражены характеристиками «старший» — «младший».

Абсолютная возрастная характеристика человека

Абсолютная шкала оценки возраста человека предполагает соотнесение количества лет, прожитых человеком, с общей продолжительностью человеческой жизни. При таком способе квантификации возраст определяется как соответствующий какому-либо периоду развития человека — детству, юности, зрелости, старости. Для человеческих персонажей сказки актуальны такие возрастные характеристики, как «ребенок», «взрослый», «старый».

В сказке наблюдается устойчивое закрепление возрастных характеристик с определенным количественным значением за субъектами-носителями признака (типами персонажей). В сказке объективируется возраст героя, героини, отца невесты, родителей героя, лжегероев, негероев, антагониста, дарителя, помощника.

Среди указанных носителей возрастного признака центральное место занимает герой. Характеристики возраста последнего участвуют одновременно в двух основных противопоставлениях: «взрослый/ребенок», «молодой/старый» — и, таким образом, задают структуру системы концептуальных признаков возраста человека. Кроме того, возраст главного сказочного героя получил очень широкую репрезентацию: он эксплицирован в той или иной форме почти в

сказочной поэтике. Так, С.Ю. Неклюдов отмечает, что в былинке возраст выступает как один из признаков, отличающих человека от не-человека: «...чем антропоморфнее персонаж, тем скорее он может быть наделен возрастом» [Неклюдов 1972, 45].

каждом тексте. Данное обстоятельство обусловлено центральным местом героя в художественной системе сказки. С.Ю. Неклюдов в статье о былинной временной системе отметил, что наличие характеристики персонажа по возрасту — знак того, что он занимает важное место в былинном мире [Неклюдов 1973, 158]. Как видим, данное замечание актуально и для сказки.

Вербализация возраста героя числовыми характеристиками (*двадцать пять лет, восемнадцать лет, семнадцать лет, пятнадцать лет*) — довольно редкое для сказки явление. Преимущественный способ репрезентации возраста — использование речевых оборотов, фиксирующих достижение героем зрелости. В таких речевых единицах значение «совершеннолетие» в одних случаях эксплицитировано (*достиг совершенного возраста, взошел в совершенные лета, был в совершенных летах, вышли/пришли ему совершенные годы*), а в других случаях это же значение выражается менее конкретно (*был в летах, был на возрасте, вошел в пору, вырос/стал большой*).

Герой волшебной сказки — человек, вступивший в пору зрелости, и наступление этого возраста определяется не столько количеством прожитых им лет, сколько способностями, которые он приобретает к этому моменту. Анализ лексического окружения количественных характеристик возраста позволил выявить ряд признаков зрелости героя.

С наступлением «совершенного возраста» герой становится обладателем следующих качеств:

1) большая физическая сила: *«Стукнуло ему <Ивашке Медведко> пятнадцать лет, стал он ходить с ребятами на игры и шутить шутки нехорошие: кого ухватит за руку — рука прочь, кого за голову — голова прочь»* [Афанасьев 1957, № 141]; *«Вот так-то живет царевна с своим мужем без горя, без печали, а сын ее растет да растет, вырос большой, почувял в себе силу великую и стал у отца, у матери проситься поехать по белу свету да поискать себе невесты»* [Афанасьев 1957, № 167];

2) развитые умственные способности: *«Иван-царевич рос не по дням, а по часам, так, как пшеничное тесто на опаре киснет, и когда пришли его совершенные лета, то обучился разным наукам»* [Афанасьев

1957, № 562]; *«...а она, горемычная, плавала по морю по океану с подкидышкой, и рос этот подкидышек не по дням, а по часам; скоро пришел в смысл, стал разумен...»* [Афанасьев 1957, № 283];

3) самостоятельность и возможность выхода за пределы «своего» мира: *«...у этого царя было три сына, все они были на возрасте. <...> Малый сын, Иван-царевич, говорит отцу: “Батюшка! Благословляй меня искать матушку”»* [Афанасьев 1957, № 156]; *«И вошли они <царские дети> в пору и стали просить садовника, чтобы позволил поставить им дом за городом»* [Афанасьев 1957, № 288];

4) возможность вступления в брак: *«Взошел сын в совершенные лета, и стала старуха говорить старику: “Пора нам сына женить!”»* [Афанасьев 1957, № 227]; *«...дошел царевич до совершенных лет и надумал жениться...»* [Афанасьев 1957, № 198].

Причины квантификации возраста героя как зрелого кроются в мифологической и ритуальной основе волшебной сказки. Одним из источников возникновения традиционной волшебной сказки послужило мифологическое повествование, сопровождавшее обряд инициации [Пропп 1998; Мелетинский 1970; 1994; Элиаде 2000, 181—187]. Данный обряд представлял собой посвящение достигших совершеннолетия юношей во взрослую жизнь и предшествовал их вступлению в брак. Именно этим обусловлено определение возраста сказочного героя как молодого, но достигшего зрелости. Представляется неслучайным тот факт, что такая характеристика дается всегда в начале повествования: возраст является семиотически значимым и выступает атрибутом, регламентирующим право героя на осуществление сказочной задачи.

Квантитативная составляющая значений репрезентантов возраста героя обеспечивает их участие в оппозициях «ребенок/взрослый», «старый/молодой» в качестве средств выражения второго члена данных противопоставлений.

Оппозиция «ребенок/взрослый»

Возраст сказочного героя концептуализируется в связи с развитием его умственных и физических способностей, приобретением самостоятельности. Только полноценный уровень развития этих

качеств обеспечивает герою возможность выхода в «иной» мир и вступления в брак, а значит, реализации сказочной задачи. Именно по этим параметрам осуществляется в сказке противопоставление взрослого и ребенка.

Как показывают наблюдения, детский возраст представляется в сказке через отрицание, указание на недостаточность развития способностей, свойственных взрослому человеку. Ребенок характеризуется следующими признаками, противопоставляющими его герою:

1) низкий уровень умственного развития, недостаток знаний и опыта: *«Иван-царевич еще ничего не знал — был маленький, почерпнул воды и подал ему: старика с этого в тюрьме не стало, ушел»* [Афанасьев 1957, № 125]; *«Спросили его пьяницы: “Как тебя по имени зовут?” А он в ответ: “Право, братцы, не знаю! Когда поп крестил да имя нарекал — в те поры я был глуп и мал”*» [Афанасьев 1957, № 296];

2) неспособность к самостоятельным действиям: *«Дети у них <умерших царя и царицы> были малы; царством управлять еще не могли. Мать покойная приказала дяде управлять до возраста лет Ивана-царевича»* [Худяков 2001, № 20]; *«<Царь>: “А можно ли достать этого коня?”. Иван отвечает: “Можно — только тогда, как минет мне пятнадцать лет”. В то время было Ивану только двенадцать годочков; царь взял его во дворец, кормил и поил до пятнадцати. Вот как минуло Ивану пятнадцать лет, сказал он царю: “Давай, государь, мне коня, на котором можно б доехать до того места, где змей находится”*» [Афанасьев 1957, № 138];

3) уязвимость по отношению к внешней среде: *«Вот просит Ивашечко у отца и матери: “Пустите меня, я поеду рыбку ловить”. — “Куда тебе! Ты еще мал, пожалуй, утонешь, чего доброго!”*» [Афанасьев 1957, № 108]; *«Гуси-лебеди давно себе дурную славу нажили, много исходили и маленьких детей крадывали»* [Афанасьев 1957, № 113].

Такая интерпретация возрастных характеристик обусловлена их участием в реализации семиотического противопоставления «истинный/неистинный герой». Ребенок не может выступать в роли сказочного героя, истинный герой сказки — зрелый человек.

В отдельных случаях герой изображается в возрасте семи-десяти лет, одного года, трех и шести недель и даже *девятисуточным*. Тем не менее такой герой не ребенок, а взрослый человек: быстрый рост героя (*не по дням, а по часам*) обуславливает достижение им зрелости в более раннем возрасте, чем это наблюдается у обычных детей. Подтверждением того, что данный герой — взрослый, является наличие в его характеристиках полного набора признаков зрелости:

1) физической силы: *«...все прибывает в нем <Иване-Горохе> силы, так что лет в десять стал могуч богатырь»* [Афанасьев 1957, № 560]; *«Этот Иван Медведев взял ю <медведицу> за лапы, потрянул, она на мелки церепья разлетелась. Видит батько тут: с этого сына беда, в три недели сила какая у него сшибла»* [Ончуков 1998, № 79];

2) умственных способностей: *«...славный молодец — и лицом красив, и умом смышлен, и ростом взял; никто не подумает, что ему десять лет, всякий двадцать даст, да еще с хвостиком!»* [Афанасьев 1957, № 185]; *«Стукнуло ребяткам десять лет, отдала их мать в науку; скоро они научились грамоте, и боярских и купеческих детей за пояс заткнули — никто лучше их не сумеет ни прочитать, ни написать, ни ответу дать»* [Афанасьев 1957, № 155];

3) самостоятельности: *«Эти ребята растут не по дням, а по часам, и выросли они лет до семи-восьми. И стали просить у матушки благословеньцо: сходить по чисту полю погулять»* [Ончуков 1998, № 4]; *«... были они <семь Семионов> тогда все по десятому году, и пахали свое поле уже сами, не уступали своим соседям»* [Афанасьев 1957, № 561];

4) готовности к вступлению в брак: *«Пробудился <царевич> и говорит: “Давай, батюшка, свое благословение; я поеду жениться”. — “Что ты, дитячко! Куда поедешь? Ты всего девятисуточный!” — “Дашь благословение — поеду и не дашь — поеду!”*» [Афанасьев 1957, № 157].

Таким образом, в данном случае наблюдается то же самое противопоставление «взрослый/ребенок», но его семиотическая подоплека представляет собой более сложную картину. Концептуализация детского (в обычном понимании) возраста героя как зрелого обусловлена

представлениями мифопоэтического характера, пересемантизированными в соответствии с семиотической системой сказки. Так, В.Я. Пропп в статье «Мотив чудесного рождения» указывает на наличие в мифопоэтической картине мира представлений о рождении как реинкарнации уже умершего человека [Пропп 1976]. Мифологический герой — избавитель рода — это предок, вернувшийся из «иног» мира, а единственная возможность его возвращения — повторное рождение. Поэтому для чудеснорожденного героя характерен мотив быстрого роста, поскольку умерший взрослым должен и вернуться взрослым. Исследователь подчеркивает, что быстрый рост — своего рода фикция, компромисс, устраняющий противоречия мифологических мотивов с представлениями позднего времени, так как герой не растет, он взрослеет мгновенно [Там же, 237—238].

Герой сказки — избавитель, устраняющий явления, препятствующие гармоничному существованию миропорядка, отмечен особой сакральностью с рождения. Чудесное происхождение ребенка показывается в сказке через его генетическую связь с животными — тотемными предками (*Иван Быкович, Иван Кошкин, Иван Медведко*), с мифологическими персонажами — хозяевами стихий (*Иван Ветрович*). Кроме того, учитывая особую роль царя в архаических обществах, а именно выполнение им функций жреца, надо признать наличие сакральных свойств и у царских детей (наиболее распространенный тип героя волшебной сказки — *Иван-царевич*).

Таким образом, раннее взросление героя в сказке является одним из признаков его чудесного происхождения и выступает средством идентификации истинного героя. Быстрый рост героя изображается через сопоставление с темпами развития обычных детей, что обеспечивает участие квантитативных характеристик возраста в реализации сказочной оппозиции «истинный/неистинный герой», которая дополняется противопоставлением «сакральный/профаный».

Оппозиция «старый/молодой»

Квантитативное содержание характеристик возраста сказочного героя позволяет им одновременно участвовать в ре-

ализации двух оппозиций — «ребенок/взрослый» и «старый/молодой». В рамках противопоставления «старый/молодой» возраст героя соотносится с полюсом «молодой», о чем свидетельствуют примеры его вербализации числовыми характеристиками (*двадцать пять лет, восемнадцать лет, семнадцать лет, пятнадцать лет*). Возраст героини также характеризуется как молодой. Это, видимо, связано с тем, что данные персонажи, как правило, в конце сказочного повествования вступают в брак, и потому изображаются как соответствующие друг другу по возрасту: «*Иван и поныне живут с молодой женою*» [Афанасьев 1957, № 138]; «...*Иван-царевич спит с молодой женой, живут-поживают и добра наживают...*» [Ончуков 1998, № 177].

Молодой возраст противопоставлен пожилому в сказке по двум параметрам: физическим и интеллектуальным качествам человека — носителя возрастного признака. Как указывалось выше, молодому герою свойственны физическая сила, способность к активной деятельности, вступлению в брак. Персонажи преклонного возраста характеризуются противоположными качествами: физической немощью, неспособностью к управлению государством и созданию новой семьи. Например: «*Праздновали весь день, и все напильсь; царь под хмельком и говорит: “Я стар, больше не могу править, дарю тебе, Иван, и остальную половину государства”*. Иван сделался полным царем» [Ончуков 1998, № 66]; «*Только царевна не пошла за царя замуж: он был уж стар. Он ее и спросил, за кого она хочет выйти? Царевна говорит: “За того, кто меня воровал!” — а вор Сенька был бравый детина, царевне приглянулся. Царь, не говоря больше ни слова, приказал их обвенчать; потом сам захотел на покой, Семена поставил на свое место*» [Афанасьев 1957, № 145]. Качества героя, обусловленные его молодостью, являются атрибутами истинного героя, и поэтому в ходе сказочного повествования он, как правило, сменяет старого царя на престоле.

Выше отмечалось, что возраст истинного героя концептуализируется в связи с высоким уровнем развития его умственных способностей и взрослый герой противопоставлен ребенку как умный глупому. Однако при противопо-

ставлении интеллектуальных качеств человека в рамках оппозиции «старый/молодой» предпочтение отдается пожилому возрасту: молодой герой противопоставляется персонажу преклонного возраста как умный мудрому. Думается, что такая интерпретация возрастных характеристик не является специфически сказочной, а связана с традиционными народными представлениями. При этом традиционные культурные ценности (уважение опыта старшего поколения) преломляются сквозь призму сказочной художественной системы — носителем мудрости в сказке является не любой персонаж, возраст которого квантифицируется как пожилой, а только даритель. Герой демонстрирует уважение по отношению к возрасту этого персонажа, а тот помогает ему советом: «*Входит в эту самую хижину, и сидит там этот самый старик. “А, говорит, Иван-царевич! Сколько лет я тебя ждал, насилу дождался. Что ты, волею, или неволею, или своею большею охотою, дело пытаешь или от дела лытаешь?” — “Ах, говорит, дедушка! Я, говорит, не то, что неволею, а больше своею охотою, и дело пытаю и от дела лытаю.” — “Вот, говорит, Иван-царевич! Я таких людей люблю, которые покорны старым людям. <...> Что, Иван-царевич, куда вы едете, куда путь держите, и что вам нужно?” — “Я, говорит, еду: отец у нас стар и прослышал он, что есть за тридцать земель в тридцатом царстве Усоньша-богатырша, есть молоджавые яблоки, живая и мертвая вода. Я еду доставать”. — “Ах, говорит, Иван-царевич! Вам трудно доставать; нешто я, старик, вам помогу, тогда вы можете доставать!”» [Худяков 2001, № 41]; «*Едет он дорогой. Видит: на встречу ему идет старуха. “Здравствуй, говорит, Иван-царевич!” — “Фу ты, старик! Какой я Иван-царевич? Я казак, больше ничего”. Поехал дальше, потом и говорит: “За что же я обидел старуху?” Воротился назад, просит у старухи прощенья. Старуха ему и говорит: “То-то, батюшка Иван-царевич, старых людей не следует бранить. Ты куда едешь?” — “Я еду в такое место, где гора об гору трется; мне нужно песку взять”. — “То-то и дело; тебе надо захватить ко мне!”» [Худяков 2001, № 87].**

Старость — постоянный атрибут дарителя: «*Избушка повернулась; он зашел в*

*избушку. Лежит старуха, одним ухом одета, а другой в головах. ... Эта старуха ему и отвечает: “Вот на тебе клубочек; куда этот клубочек покатится, туда и ты ступай!”» [Худяков 2001, № 18]; «*И подошли они к этому месту; вдруг старик свистнул, и прилетает огромной величины птица. “Вот, говорит, ты на эту птицу садись...”» [Худяков 2001, № 2].**

Кроме того, стабильно определяют как старые антагонист: «*Он варил, варил, она <старуха> с под земли выстала и его хочет поймать. Иван Мидведев ей говорит: “Ах ты, старый чорт! Ты у нас все щи выхлебала”. И давай и ён с ней бороться. Иван Мидведев ю изборол» [Ончуков 1998, № 79]; «*Вдруг стучаютиця. Забежал кривой старик. <...> (старик был дьявол, нечиста сила, нечиста сила и дочи его)» [Ончуков 1998, № 31] — и помощник: «*Шли-шли-шли, выскочила старушка, две ноги в одном лаптю <...> “А я гораздо сходить по невестино платье”» [Ончуков 1998, № 27]; «*Вошел в избушку, а там старик еле двигается. “Фу, русский дух!...” <...> “Можно, — говорит старик, — тебя спрятать”» [Ончуков 1998, № 152].****

Такое постоянство возрастных характеристик противопоставляет данных персонажей герою — молодому человеку. Основу этого противопоставления составляет реализация семиотической оппозиции «свой/чужой». Возраст персонажей «иног» мира — антагониста, помощника, дарителя (представителей класса «чужой») — один из главных признаков, отличающих их от героя (класс «свой»).

В рамках «своего» мира герой и героиня противопоставлены по возрасту своим родителям: для номинации последних используются лексемы *старик*, *старуха*: «*Жили-были старик со старухой, было у них три сына» [Ончуков 1998, № 152]; «Жил досюль старик да старуха, у их доци была...» [Ончуков 1998, № 108].*

Старость — постоянный атрибут родителей героя: в сказке нет примеров характеристики возраста этих персонажей как молодого или зрелого даже в момент появления героя на свет: «*Жил был старик со старухой пожилых лет. У них на старости лет Бог им дал сына, только всех детей было» [Худяков 2001, № 19]; «Был-жил старик со старухой, и жили они несколько лет, а детей у них не*

*было, и уже к великой старости приходи-
ли, как начали молить Бога, чтоб даро-
вал им детище <...> однако через семь лет
старуха понесла и после родила вдруг семь
сынов, которых всех назвали Семюнами»*
[Афанасьев 1957, № 561].

Появление героя от пожилых роди-
телей, которые по законам физиологии
должны были утратить способность к
деторождению, свидетельствует о его
чудесном происхождении и противопо-
ставляет героя обычным детям. В дан-
ном случае характеристики возраста ро-
дителей участвуют в реализации оппо-
зиции «сакральный/профанный».

Итак, результаты оценки возраста
персонажей сказки по абсолютной шка-
ле составляют многоуровневую концеп-
туальную структуру, элементы которой
включены в противопоставления «ребен-
нок/взрослый», «старый/молодой». Их
интерпретация задается семиотической
системой сказки: квантитативные харак-
теристики возраста реализуют семиоти-
ческие оппозиции «истинный/неистин-
ный герой», «сакральный/профанный»,
«свой/чужой». Семиотичность номина-
ций возраста обуславливает обобщен-
ность их количественной семантики —
значения характеристик не указывают на
точный возраст персонажа, а лишь со-
относят его с тем или иным полюсом
семиотического противопоставления.

Относительная возрастная характеристика человека

Относительная шкала оценки возра-
ста предполагает сопоставление количе-
ства прожитых лет двумя (и более) людь-
ми, определяемые по ней квантитатив-
ные значения — «старший» и «младший».

Возрастная характеристика «старший/
младший» актуальна в сказке для следу-
ющих персонажей: героя и его братьев,
героини и ее сестер, дарителя (Бабы-яги).
Концептуальное содержание, выражае-
емое номинациями возраста, различает-
ся в зависимости от принадлежности
персонажей — носителей возрастного
признака — к классу «чужой» и к классу
«свой». В рамках члена оппозиции «свой»
указанное содержание зависит от пола
персонажей. Таким образом, противопо-
ставления «свой/чужой», «мужской/жен-
ский» выступают как субоппозиции би-
нома «старший/младший».

Класс «свой» представляют такие
персонажи, как герой и героиня. Нали-
чие у них братьев и сестер обеспечи-
вает их участие в реализации оппозиции
«старший/младший», номинации возра-
ста при этом выступают как одно из
средств выявления истинных героя/ге-
роини и противопоставления их лож-
ным героям.

Общей чертой функционирования
оппозиции «старший/младший» в отно-
шении мужских и женских персонажей
является положительная аксиологиче-
ская интерпретация младшего возраста:
настоящие герой и героиня, как прави-
ло, изображаются младшими в совокуп-
ности персонажей (братьев/сестер)³.
Представляется актуальным сопоставить
набор противопоставленных признаков
бинома «старший/младший», реализую-
щегося в отношении женских и мужских
персонажей.

Младший по возрасту герой проти-
воставлен старшим братьям (лжегероям)
по четырем параметрам.

1) В начале сказочного повествова-
ния герой часто изображается как обез-
доленный, «не подающий надежд» [Ме-
летинский 1958], в отличие от старших
братьев: «...*старшие сыновья были у его
<царя> толковые, путни, а меньшой был
безпутней соплячѣк, лежал только на печи
теплой*» [Ончуков 1998, № 3]; «*Старший
и средний стали сряжаться, а младший
Ивашко и говорит братьям: “Примите и
меня с собой”. Они говорят: “Куда тебе,
запечину, ехать, сиди на печи и ешь гри-
бы”*» [Ончуков 1998, № 68].

2) Младший брат — герой физиче-
ски более сильный и выносливый, чем
его старшие братья. Это позволяет ему
выполнить сказочную задачу — попасть
в «иной» мир, победить противника.
Данный признак репрезентирован в ска-
зочных текстах наиболее полно: «...*был
царь; у него было три сына, последний сын
Иван-царевич. При том царстве была гора,
на которую никто не мог ни сходить, ни*

³ В отношении женских персонажей дан-
ная закономерность иногда нарушается: в не-
которых сказках имеются случаи изображе-
ния старшей сестры как героини. Но единич-
ность подобных примеров не позволяет гово-
рить о наличии в сказке тенденции положи-
тельной оценки члена бинома «старший».

съездить. <...> Взъехал **первый сын** только до треть горы и воротился назад. <...> Спустя несколько времени отправлял царь **среднего сына**, который доехал до половины горы, а более не смог и воротился назад. Потом посылает царь **меньшего сына**, **Ивана-царевича**. <...> ...взъехал на гору, словно сокол взлетел, и увидел там — двор стоит» [Афанасьев 1957, № 178]; «...оставили **старшего брата** жарить, а сами пошли на охоту. <...> Сам с нокоть, а борода с локоть стал быка исъ; ел, ел и всего быка съел, а брата натрепал-натрепал и сам прочь укатился. <...> На другой день остался **средний брат**; то же случилось с тем, как и первым. На третий день осталась **младшой брат**, **Иван**. <...> Иван поглядел, поглядел, захватил его <антагониста> за бороду и приткнул к матице» [Ончуков 1998, № 241].

3) Младший из братьев является избранныком царевны и женится на ней. «Царевна взяла у одного из братьев руку, опознала свой перстень и говорит: “А это где ты взял?” — “С руки вашей”, — отвечает **старший брат**. Царевна посмотрела ему в лоб, а звезды на лбу нет; она и говорит: “Перстень мой, а знака моего на лбу нет; это обман”. И приказала заключить братьев в тюрьму. Тут царевна заметила **Ивашку** <...> Царевна стала его спрашивать: “Чей ты? Откуда? Для чего лоб завязал?” — “Ушибся”, — отвечает **Ивашко**. Царевна лоб развязала, свет всех обняла, она и вскричала: “Вот где мой суженой!”» [Ончуков 1998, № 68].

4) Младший брат отмечен связью со сферой сакрального: он, в отличие от старших братьев, вступает в той или иной форме в контакт с «иным» миром, принимает необъяснимые с практической, профанной точки зрения решения. «Царь и говорит: “Дети! Сделайте себе по самострелу и стреляйте: кака женщина принесет стрелу, та и невеста; ежели никто не принесет, тому, значит, не жениться”. **Большой сын** стрелил, принесла стрелу княжеска дочь; **средний** стрелил, стрелу принесла генеральска дочь; а **малому Ивану-царевичу** принесла стрелу из болота лягуша в зубах. <...> Нечего делать — взял в жены лягушу» [Афанасьев 1957, № 267]; «...у мужика да у бабы было три сына. Жили они богато. Стал отец помирать, имение стал оставлять **меньшому сыну**, и отец помер, ёны это имение стали, **братья стар-**

ши, от него отнимать, и ён им не даваэ, и ёны стали спорить. “Ну, братьици, пойдёмтя, — скае, — когда так не верите, пойдёмтя в церьков, возьмитя в руки по свички, и кого свичька в руках загоритця, тому имением владеть”. И ёны и собрались и пошли в церьков, взяли по свичьки в руки и стали перед Бога. Стояли, стояли, у **меньшого брата** свичка и загорелась» [Ончуков 1998, № 116].

Реализация оппозиции «старший/младший» в отношении героини и ее сестер осуществляется как противопоставление аналогичного набора признаков.

1) В сказках имеются примеры изображения младшей из сестер как обездоленной, но такие случаи немногочисленны, очевидно, потому, что роль такой героини в сказке чаще выполняет падчерица, заведомо низкий социальный статус которой делает неактуальной возрастную характеристику. «**Старуха** очень не любила своей **младшей дочери**. Она нарядила сестру ее в самое лучшее лопотье и пошла с ней в церковь к обедне, а **младшей** оставила две меры ржи...» [Афанасьев 1957, № 292]; «**Жил-был купец**; у купца было три дочери: две умные, а третья, **меньшая** — дурочка. <...> Царь сделал бал: две **старшие** поехали, и дурочка просится тоже с ними. Они ее не взяли: “Куда тебя, черномазку, возьмем?”» [Худяков 2001, № 15].

2) Младшая из сестер выполняет задачи, с которыми не справляются старшие. Данный признак представлен малым количеством репрезентантов, видимо, вследствие того что осуществление сказочного задания является прерогативой героя-мужчины, поэтому подобные случаи можно расценить скорее как отклонение от законов жанра. «**Стала меньшая сестра** проситься <искать брата>. Ей говорят: “Две сестры ходили, не нашли, и ты не найдешь!” — “Бог знает, может быть, найду!”» [Худяков 2001, № 53]; «**Потом меньшая дочь** говорит: “**Батюшка!** Дай я за тебя пойду служить <в армию>!” — “**Две старшие** ходили, испугались, а ты и вовсе испугаешься!” — “**Ничего, батюшка, может, и не испугаюсь!**”» [Худяков 2001, № 60].

3) Младшая из сестер является самой привлекательной для героя и поэтому становится его женой. Противопоставление по данному признаку выступает как наиболее релевантное для женских

персонажей и получает широкую репрезентацию в языковом материале сказки: «Он <царь> взял за себя **меньшую сестру** и стал с нею жить-поживать душа в душу; а **старшие сестры** стали сердиться да завидовать **меньшой сестре...**» [Афанасьев 1957, № 283]; «<Царь>: “Кому башмак впору будет, на той и женюсь”. Вот **старшие сестры** и хотят, чтобы им впору было: отрубят палец, надевают башмак — полон башмак крови, а толку нет. Как примеривали сестры башмак, вышла и **младшая** из-за печки. Как будто ей шит! Царь на ней и женился» [Худяков 2001, № 15].

4) Связь героини — младшей сестры — со сферой сакрального проявляется в ее выборе в качестве жениха героя, наделенного признаками представителя «иногo» мира и непривлекательного с профанной точки зрения: «Когда стали сватать женихи всех трех сестер: **старшая** пошла за короля, **средняя** — за принца. Стали спрашивать **меньшую**: “Я, говорит, пойду за Плешь Плешавницу!”. Отец и мать ее уговаривали и смеялись. Она и знать ничего не хотела, и вышла за него замуж» [Худяков 2001, № 4]; «Приехал <купец> домой, отдал **старшей дочери** платье, **средней** шаль, а **меньшухе** отдает цветочек <...> шепчет ей потихоньку на ухо: “Ведь цветочек-то заветный был, а не продажный; взял я его у незнакомого старика с условием отдать тебя замуж за его сына Финиста ясна сокола”» [Афанасьев 1957, № 235].

Набор признаков, по которым осуществляется противопоставление старших и младших персонажей мужского и женского пола, одинаков. Но признаки, определяемые как приоритетные по количеству вербализующих их языковых фактов, различны для героя и героини.

Основное качество, противопоставляющее младшего брата старшим, — степень физических возможностей. Большая физическая сила и выносливость, свойственные младшему брату, позволяют ему выполнить сказочную задачу. Это качество подтверждает «истинность» героя и противопоставляет его братьям-лангерам, при этом герой обладает указанными способностями не благодаря, а, скорее, вопреки своему возрасту: «<Царь>: “Винно **старшие сыновья** ездили, не могли чудо достать, а **младшаго сына** Ивана-соплячка и нарежать нече-

го”» [Ончуков 1998, № 3]; «*Братья меж-ду собой и говорят: “Что же, говорят, мы, **старшие братья**, мы ничего не достали, а он, **младший брат**, а всё достал и нас выручил. Возьмем отберем у него все, а ему положим простых яблоков и морской воды!”*» [Худяков 2001, № 41]; «*Но братьям стало завидно, что он, **меньшой брат**, привезет к отцу Жар-птицу: “Но мы, **старшие**, приедем, не привезем ничего”. Они согласились его кинуть в ров*» [Худяков 2001, № 1].

Главным признаком, противопоставляющим младшую героиню старшим сестрам, является ее привлекательность в качестве супруги: именно на ней она навливает свой выбор герой. Выясним причины идеализации младшего возраста мужских и женских персонажей сказки и причины различий его концептуализации.

Сказочная идеализация младшего брата имеет социальные истоки. Как отмечает Е.М. Мелетинский, в обществе эпохи формирования традиционных фольклорных жанров происходила смена порядка наследования имущества: в связи с появлением частной собственности и разложением родового коллектива архаический минорат, закрепляющий за младшим ребенком право наследования основной части семейного благосостояния, сменялся майоратом, при котором старшие дети раньше покидали родительскую семью и создавали собственную, забирая основную часть наследства и не оставляя ничего младшему. При этом, указывает исследователь, в обоих случаях обязанности опеки престарелых родителей и незамужних сестер возлагались на младшего из братьев, что делало его в глазах общества социально обездоленным. Это обстоятельство и обусловило идеализацию младшего брата в сказках [Мелетинский 1958, 64—160] (см. также: [Фрэзер 1989, 210—242; Аникин 1977, 131—134]). Таким образом, номинации младшего возраста героя свидетельствуют о низком социальном статусе последнего. В ходе сказочного повествования он, благодаря своим качествам истинного героя, занимает высокое место в социальной иерархии.

Идеализация младшей сестры представляется обусловленной причинами физиологического порядка: чем моложе женщина, тем более длительный срок

она способна выполнять репродуктивную функцию. Именно это определяет предпочтение младшей из сестер для создания семьи.

Среди персонажей — представителей класса «чужой» относительная возрастная характеристика актуальна только для Бабы-яги — дарительницы. Реализация оппозиции «старший/младший» в отношении дарителя противоположна рассмотренной выше: положительным аксиологическим значением обладает член бинома «старший». Баба-яга, старшая из сестер, изображается как самая мудрая: «...в избушке сидит баба-яга костяная нога, старая, беззубая. “Здравствуй, бабушка! Скажи, как бы мне отыскать мою прекрасную королеву?” — “Не знаю, голубчик! Видом ее не видала, слыхом про нее не слыхала. Ступай ты за столько-то морей, за столько-то земель — там живет моя **средняя сестра**, она знает больше моего; может, она тебе скажет”. <...> Прилетает к другой избушке, входит — там сидит баба-яга костяная нога, старая, беззубая. “Здравствуй, бабушка! Не знаешь ли, где найти мне прекрасную королеву?” — “Нет, голубчик, не знаю; поезжай-ка ты за столько-то морей, за столько-то земель — там живет моя **старшая сестра**, может, она ведает”. <...> Входит в избушку — там сидит баба-яга костяная нога, седая, беззубая. “Здравствуй, бабушка! Скажи, где мне искать мою королеву?” — “Подожди немножко; вот я созову всех своих ветров и у них спрошу. Ведь они по всему свету дуют, так должны знать, где она теперь проживает”» [Афанасьев 1957, № 272].

Различия в аксиологической интерпретации противопоставления «старший/младший», реализующегося в отношении персонажей класса «чужой» и класса «свой», представляются обусловленными закрепленностью абсолютных возрастных характеристик за типовыми персонажами сказки. Как указывалось выше, постоянный атрибут дарителя — мудрость — связывается в сказке с преклонным возрастом персонажа, и в примерах репрезентации оппозиции «старший/младший» изображается прямая зависимость интеллектуальных качеств дарителя от его возраста.

Итак, номинации возраста человека в сказке репрезентируют результаты ко-

личественной оценки возрастного признака по абсолютной шкале («ребенок/взрослый», «старый/молодой») и по относительной шкале («старший/младший»). Интерпретация указанных противопоставлений задается семиотической системой сказки: квантитативные характеристики возраста обладают культурологическим содержанием и реализуют семиотические оппозиции «свой/чужой», «истинный/неистинный герой», «мужской/женский», «сакральный/профанный».

Литература

- Аникин 1977 — Аникин В.П. Русская народная сказка. М., 1977.
- Мелетинский 1958 — Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958.
- Мелетинский 1970 — Мелетинский Е.М. Миф и сказка // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 139—148.
- Мелетинский 1994 — Мелетинский Е.М. Сказки и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. Изд. 2-е. М., 1994. Т. 2. С. 441—444.
- Неклюдов 1972 — Неклюдов С.Ю. Время и пространство в былинке // Славянский фольклор. М., 1972. С. 18—45.
- Неклюдов 1973 — Неклюдов С.Ю. Заметки об эпической временной системе // Труды по знаковым системам. Т. 6. Вып. 308. Тарту, 1973. С. 151—165.
- Новичкова 1984 — Новичкова Т.А. Традиционные числа в былинах // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 43. 1984. № 2. С. 144—155.
- Пропп 1998 — Пропп В.Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998. (Собрание трудов В.Я. Проппа).
- Пропп 1976 — Пропп В.Я. Мотив чудесного рождения // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избр. статьи. М., 1976. С. 205—240.
- Путилов 1994 — Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994.
- Толстой 1995 — Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Фрэзер 1989 — Фрэзер Дж.Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1989.
- Черванева, Артеменко 2004 — Черванева В.А., Артеменко Е.Б. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров). Воронеж, 2004.
- Чистов 1986 — Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986.
- Элиаде 2000 — Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2000.